

Л. Тевено

КАКОЙ ДОРОГОЙ ИДТИ? МОРАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ «ОБУСТРОЕННОГО» ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

«Спиритический сеанс, где люди, собравшиеся вокруг стола, видят, как стол внезапно, словно по волшебству, исчезает, так что два сидящих напротив человека больше ничем не разделены, но и не связаны друг с другом чем-либо осязаемым <...> мир без вещей, находящихся между теми, кого он объединяет — подобный столу, который находится между теми, кто сидит вокруг него, мир без посредника, одновременно связывающего и разделяющего людей».

Х. Арендах. Условия человеческого существования [1].

Введение

Эта работа о социологии политики и морали (*sociologie politique et morale*) посвящена тому способу, каким люди оцениваются в качестве моральных или политических агентов, а также тому, как вещи участвуют в этих оценках. Нам знакома старая проблема социального упорядочивания и недавно изученные способы генерализации сущностей. Но как можно говорить о политических или моральных оценках? Этот вопрос всегда относили к компетенции политических и моральных философов. Но мне хотелось бы рассмотреть эту проблему с необычной для философов точки зрения (среди немногих известных исключений — Арендт и Маркс) и исследовать моральную сложность, которая является результатом «обустроенности», «оснащенности» человечества.

* Перевод приводится по: **Complexities in Science, Technology and Medicine** / Ed. J. Law and A. Mol. Duke: Duke University Press, 2000.

Первая версия этой статьи «Мощной дорогой к цивилизации? Моральные проблемы связи людей с природными и искусственными созданиями» была представлена на пленарном заседании Европейской ассоциации изучения науки и технологии и Общества социального изучения науки, которое называлось «Взаимосвязь природы, предметной среды и социального. Вызов просвещенного общества» и состоялось в Билефельде 10—14 октября 1996 г. Я выражаю благодарность Карин Кнорр за ее приглашение и плодотворные беседы со мной. Питер Мейерс существенно помог мне в подготовке английского текста — как носитель английского языка и как коллега и постоянный собеседник. Дальнейшие выступления в Институте французского языка и культуры Нью-Йоркского университета (1997) и на факультете социологии Калифорнийского университета Беркли (1998) помогли мне усовершенствовать эту работу. Я хотел бы особенно поблагодарить Анн Свидлер и Крейга Калоуна за ценные замечания. Также я очень признателен Джону Ло за терпение, которое он проявил, придавая более «британскую» форму предыдущему варианту работы.

ключений — Арендт и Маркс) и исследовать моральную сложность, которая является результатом «обустроенности», «оснащенности» человечества.

В данной статье представлено исследование этого вопроса в экспериментальном ключе: цель эксперимента заключается в том, чтобы рассмотреть, как объекты могут участвовать в моральном мире. Это вызов, подобный «Опытам стиля» Раймона Кено: я ограничился одним видом объектов — дорогами и исследовал те разнообразные способы, какими они участвуют во взаимодействии и оцениваются людьми. И это не воображаемый эксперимент. Каждое из описанных мною многочисленных состояний дороги и людей я брал из конкретного эмпирического случая. В этом эксперименте я рассматриваю, как дорога — конкретная дорога во Французских Пиренеях — приобретает политические и моральные атрибуты и участвует в конструировании некоего общего блага или более ограниченной оценки. Это также эксперимент в области моральной сложности, поскольку оказывается, что различные типы дорог позволяют прояснить разные виды общности и другие характеристики блага.

Хотя эта статья представляет собой в некотором смысле социологию сложных объектов, она также, и даже в большей степени, является вкладом в социологию сложного политического и морального упорядочивания. Поэтому свою главную задачу я вижу в том, чтобы установить новую связь между понятием «блага» (взятого либо из классической политической философии, либо из обычной грамматики мотивов) и понятием «реального» (реализм, как он понимается в науке вообще, в социальной науке и в повседневных столкновениях с реальностью). Дюркгейм установил эту связь с помощью понятия «нормы» (идеал был связан с частотой). Экономика связывает эти понятия, говоря о «равновесии». Некоторые направления социологии и политической философии видят ее в понятии «смысла» (общности понимания, которая требуется в ситуации взаимодействия). В этой статье устанавливается новая связь и используется понятие «вовлеченности». Вовлеченность в мир — это прежде всего испытание реальностью, которое зависит от того способа, каким агент воспринимает мир в определенном формате (публичных конвенций, функциональном, близости и т.д.). Но этот формат реальности зависит от формы оценки, которая выделяет то, что релевантно. Эта оценка отсылает к определенному виду блага, которое может быть общим благом, или результатом запланированного действия, или даже более ограниченным благом, способствующим приспособлению к привычному окружению*. В статье изучается взаимосвязь между различными моральными порядками и более локальными способами оценивания, воплощенными в объектах, признанных в различных режимах прагматической вовлеченности

* Во французском языке слово «engagement» еще лучше передает этот смысл, поскольку в нем заключено понятие и материальной, и моральной вовлеченности. Ключ вставлен (engagée) в замок, точно так же, как две стороны участвуют (engagées) в договоре — и не только когда они женаты.

в мир. Это, в свою очередь, проясняет различные модели деятельности: социальное действие, которое является более коллективным, чем другие, поскольку оно открыто для публичной критики и оправдания; индивидуальное и запланированное действие, связанное с намерениями агентов и функциональным восприятием мира; близкую вовлеченность как нерелексивную деятельность, управляемую воплощенным приспособлением к одомашненному и близкому окружению.

Набор основных инструментов социальных наук

«Sociologie politique et morale». Начнем с предупреждения. Это выражение может ввести в заблуждение, так как оно предполагает социологию политики и морали – изучение представлений группы о том, что является справедливым или легитимным. Этот способ мышления отвечает социологическому чутью, ведь социологи являются экспертами в выявлении представлений людей и в раскрытии социальных интересов и социальных законов, формирующих эти представления. Французская социальная наука в 1970-е годы разработала для этого ряд сложных инструментов («стратегическое поведение» Крозье, «обмен на основе договора» Фридберга и знаменитый «габитус» и «бессознательные стратегии» Бурдьё). В то же время исследователи в области социологии научного знания применили подобные подходы для разоблачения идеологии научной эпистемологии.

Однако исследование, которое я совместно с Люком Болтански проводил в течение нескольких лет, идет в другом направлении*. Мы хотели рассмотреть, как акторы оценивают людей и вещи способами, которые представляются им более легитимными, чем другие, причем мы старались не сводить эти оценки к другим факторам. Эти оценки играют главную роль в том, как акторы воспринимают деятельность других акторов (или свою собственную) с целью координации своего поведения (процесс, который также имеет место в конфликтах). Когда социологи пренебрегают оценками акторов, считая их чисто иллюзорными построениями или реконструкциями a posteriori, они упускают из вида значительную часть того, на что направлена оценка, т.е. координацию.

В этой работе о критике и оправдании мы изучали отношение между общностью (которую можно свести к когнитивной необходимости) и различными видами общего блага. Напряжение между коллективным и частным является как основной проблемой повседневной жизни, так и ключевым вопросом социальной науки. И это так потому, что генерализации и редукции, которые более всего проявляются в критике и оправданиях, возникающих во время споров, создают базовый механизм оценивания, основанный на общем или общественном. Они создают всегда напряженную связь между общим и частным. Действительно, некоторым социологическим подходам удается уловить некоторые аспекты этого напряжения. Например, изучение того, как поддерживается «социальный порядок» или «здоровый смысл», есть изучение того, каким образом напряжение разрешается в сторону общего, и наоборот, исследование «социального конфликта» или «кризисных экспериментов» показыва-

* [2; 3] (английский перевод в настоящее время готовится в Harvard University Press). Краткое представление этого направления и развивающего его коллективного исследования см. [4].

ет, как нечто, разделяемое всеми, может быть уничтожено. Несмотря на то, что эти исследования важны, они являются ограниченными, поскольку сводят напряжение либо к конфликту между коллективами, либо к локальным конфликтам. Лишь немногие изучали его во всей глубине и динамике.

В этом и состоит предмет нашей социологии политики и морали, – цель которой – трансформация основных социологических категорий посредством изучения оправданий и критики, а также способов установления ими связи между когнитивными, моральными и материальными проблемами. Разумеется, работа облегчалась обращением к нашим предшественникам: это открытие Фуко в «Словах и вещах» эпистемических ситуаций и когнитивных операций, таких, как «уподобление», этнометодологические исследования поддержания здравого смысла; концепция социологии знания Дюркгейма и Мосса и внимание Мосса к «практике», которое все еще ощущается в работах Бурдьё. Но наша цель была иной, поскольку мы не хотели ни «контекстуализировать» и локализовать общие утверждения, ни связывать их напрямую с «социальными структурами» (даже когда они воплощены в «социальных практиках» или габитусе). Вместо этого наш интерес был направлен на операции, которые требуются для движения к общности и обобщениям, включая их необходимые условия и неудачи.

Политические и моральные артефакты: чему они служат

Как появилась социология политики и морали? Краткая история в контексте нашей темы.

Двигаясь от конструирования и использования социальных категорий к более широкой проблеме соединения и установления эквивалентностей и обобщений, я с самого начала поставил вопрос об «инвестициях формы». Это процедуры однородного рассмотрения людей и объектов вне контекста [5]. Например, статистические категории, квалификационные шкалы или наименования профессий создают эквивалентности между людьми, усугубляя измерительные нормы, стандарты или свойства, которые делают сущности сходными. «Инвестиции в форму» дорогостоящи и требуют переговоров, но затраты могут быть компенсированы преимуществами координации, которые зависят от масштабов той области, которую она охватывает и в которую делаются инвестиции.

В этой работе познание связано с координацией. Важными посредниками установления этой связи являются объекты и объективность. Мы рассуждали следующим образом: различные «инвестиции формы» создают различные «формы вероятного», различные ограничения того, что может быть доказано и предложено в качестве релевантных данных. Например, статистическая вероятность существенно отличается от данных, основанных на близости к прототипу. Но и то, и другое

* Это внимание к вовлеченности неодушевленных существ возникло под влиянием программы исследований в Центре социологии инноваций Высшей горной школы в Париже [6]. Однако связь с моралью в нашей программе совершенно иная, как станет ясно в дальнейшем.

отчасти опирается на материальные данные и на вовлеченность объектов, даже если то, что считается релевантными данными, является весьма различным в этих двух случаях. Серия объектов – один за другим – необходима для законообразной вероятности, тогда как персонализированные и локализованные вещи вовлечены в вероятность, которая укоренена в близости. И это решающий сдвиг. Координация зависит от познания, но формы познания различаются в зависимости от того, как рассматриваются люди и другие сущности*. И это приводит нас к исследованию различных типов подхода к реальности и реализма.

Итак, когда же на сцену выходят политика и мораль? Мы получим ответ, если разработаем понятие координации. Потому что мы не рассматриваем координацию как законообразный процесс, детерминированный, в основном, силами, принуждениями, правилами, диспозициями, габитусом и всем остальным. Недетерминированные, динамические и креативные аспекты координации возникают, напротив, из операций оценивания, от которых зависят акторы в своих действиях и в своем избирательном подходе к реальности. В этой точке объекты и объективность обнаруживают глубокую связь с политикой и моралью. Мы с Люком Болтански вначале исследовали эту связь на уровне легитимных способов оценивания, вовлеченных в критику и оправдание более широких масштабов. Центральной частью этого процесса является квалификация: как воспринимаются люди и вещи и как формируется квалификация для их оценки. Таким образом, термин «квалификация» в том смысле, в котором мы его используем, является связующим звеном между операциями оценивания и реальными условиями, необходимыми для эффективной вовлеченности в мир.

Взаимосвязь между оценкой (с ориентацией на благо) и реализмом была затемнена историческим формированием социологии по образцу номологических наук. Поскольку идея о взаимосвязи мира объектов и морали кажется «белым пятном» в социальных науках, я бы хотел сделать небольшое отступление и поговорить о теоретиках естественного права XVIII в. Именно у этих авторов мы встречаем утверждение, что объекты являются искусственными «моральными сущностями», наделенными моральными способностями. Например, Пуфендорф пишет:

«Мы можем определить наши моральные сущности как способы, добавленные к природным вещам и движениям сознательными существами, главным образом для управления и сдерживания свободы волевых действий и для обеспечения подобающей размерности жизненного порядка» [7, I, I, I, 3].

С точки зрения Пуфендорфа, моральная сущность – это больше, чем разделяемое всеми понимание, как она определяется в современных социальных науках. Люди «наделены силой созидать их», силой, которая «предназначает их для тех или иных действий» [7, I, I, I, 1].

* Барберак добавляет в раннем французском переводе, что французское слово «valeur» никогда не употребляется по отношению к людям, чтобы показать уважение, которым они пользуются [8, III, 21]. Это замечание уже не имеет силы. Я выражаю благодарность Абигель Саги за предоставление мне английского перевода «Прав природы и нации» Пуфендорфа.

«Люди так же [подобно всемогущему Богу] могли дать силу своим творениям того же рода, угрожая некоторыми неудобствами, которые их сила могла использовать против тех, кто не стал бы действовать в соответствии с ними» [7, I, I, I, 4].

Пуфендорф определяет «способы оценки», в соответствии с которыми «можно упорядочивать и оценивать как вещи, так и людей» [7, I, I, I, 17]. Люди, вещи и действия могут быть «оценены» посредством морального «количества». Понятие оценки здесь является ключевым. Пуфендорф стремится показать, что люди и вещи оцениваются сходным образом, отмечая, что латинское слово «valor» относится и к тем, и к другим. [7, I, I, I, 17]*. Он предполагает, что «моральное количество» вещей относится к цене, в то время как «моральное количество» людей, их «порядок и степень ценности» измеряется с точки зрения «уважения». Но в обоих случаях суть одна и та же. Причиной того, что вещам присваивается определенная цена, является главным образом необходимость их точного сравнения при обмене или при передаче кому-либо. Точно так же уважение служит для установления того веса, который мы придаем людям относительно друг друга, чтобы иметь возможность в подобающем порядке ранжировать их, когда они находятся вместе, поскольку опыт показывает, что невозможно обходиться со всеми одинаково и не делать никаких различий между людьми [7, I I, V, IV, 1]. Оценка «помещает» моральные сущности в некоторые «состояния», которые «заклучают их в себе» и в которых они действуют. Эти состояния существуют в искусственном «пространстве», созданном человеком, пространстве связей с другими вещами, которые способствуют «удержанию и поддержанию» этих состояний: «Следовательно, состояние весьма подходяще может быть определено как моральная сущность, помещенная и взятая по аналогии с пространством. И подобно тому, как пространство не представляется главным и первоначальным существом, но задумано быть, как оно есть, распространенным под другими вещами, чтобы удерживать и поддерживать их определенным способом, так и различные состояния были введены не сами по себе, а для того, чтобы образовать поле, где могли бы существовать моральные личности» [7, I, I, I, 6].

**От правовых моральных существ к квалификациям
в повседневных спорах**

Итак, люди и объекты вовлечены в оценки, необходимые для координации. И те и другие обладают моральными качествами и различаются по степени ценности. Но, как признает Пуфендорф, такое представление трудно совместить с идеей природного равенства людей, провозглашенного теоретиками естественного права. Проблема равенства также присутствует в повседневных спорах о справедливости и несправедливости. Разрешение напряженных отношений между порядком оценки и признанием равного достоинства людей находится в самом центре общих требований, с которыми сталкиваются порядки ценности, используемых в этих критических спорах. В противоположность

* Или «выдумок» или «басен», как говорит Пуфендорф и Локк вслед за ним [10].

теоретикам права нас интересует, кроме того, как создаются суждения в неправовой сфере [9]. Те моральные сущности, которые обычно используются в оценках и ранжировании в повседневной жизни, некоторым образом отличаются от правовых артефактов*. Четыре из них являются особенно важными:

1. От persona moralis composita к конфигурации коллективного

Концепция Пуфендорфа основана на теории соглашения как способе взаимодействия и теории автономии воли как способе человеческой деятельности. Автономия воли является основой соглашений. Это означает, что моральные существа должны рассматриваться через призму «индивидов», «индивидуальной воли» и «индивидуального действия». Но если мы задаемся вопросом о природе коллективного, нам необходимо начать с вопроса о характере индивида и действия. Мы же, напротив, утверждаем, что «индивиды», «воли» и «действия», подобно «моральным качествам» или «количествам», являются разновидностями моральных артефактов и проявляются только будучи вовлеченными определенным образом в материальный мир. Например, предпосылкой моральной деятельности обычно считается автономный, интенционально действующий индивид. Но такая моральная деятельность возможна только при условии существования других элементов, — например, функциональной деятельности объектов — и вместе они составляют один из режимов вовлеченности. Утверждая это, мы не стремимся развенчать иллюзии по поводу индивида или интенциональной деятельности, как это часто делают социологи в борьбе с экономической или юридической теорией. Напротив, нас скорее интересует то, как эта деятельность осуществляется и чему она служит [11].

2. От правового принуждения к практической координации

Здесь необходимо сделать второе отступление от теории естественного права. Рассуждая об эффективности моральных существ, Пуфендорф полагает, что подчинение является результатом репрессивной силы. Это типичное правовое объяснение того, как качества навязываются законом, которое, кроме того, хорошо сочетается с перспективой абсолютистского государства. Но наш подход к повседневной морали должен быть шире, так как мы рассматриваем не закон, а различные способы координации в повседневных спорах. Это означает, что нам необходимо выработать концептуальные инструменты, позволяющие объяснить динамику оценки и переоценки и то, как эти оценки проверяются реальностью. Основой повседневных споров отнюдь не является детерминация действий ценностями. Это, напротив, динамичный и креативный процесс, в котором задействованы новые и «квалифицированные» люди и вещи. Например, если мы будем понимать «моральное качество» как «цену», то это подразумевает определенный способ координации, который не является ни войной между государствами, ни физической борьбой (хотя насилие никогда не исключается). Однако задача данного подхода — заниматься общими фор-

* О «Теории конвенции», которая вызвала целый ряд французских исследований в области социэкономии, см. [12; 13]. Обзор данной литературы на английском языке см. [14; 15].

мами оценки, вследствие чего мы должны распространить мораль на все стандартные формы оценки, независимо от того, считаются ли они «моральными».

3. Координационные способности квалифицированных существ

Это предполагает необходимость отойти от Пуфендорфа в третьем аспекте и сосредоточить внимание не на инструментах правовой и государственной власти и контроля, а на конвенциях, имеющих место в повседневных спорах и суждениях; на том, что можно рассматривать как регулирование повседневных споров*. Навязывание конвенций в повседневном регулировании ощущается как гораздо менее принудительное, чем то, которое основано на государственной монополии на насилие. Но между ними существуют и другие различия. Во-первых, в отличие от диспутов в правовой сфере, полемика в повседневной жизни не является до такой степени конвенционально закрытой. Во-вторых, повседневные споры и координации основаны на чем-то большем, нежели разделяемые всеми «конвенции» фонового знания, принятые на веру допущения или взаимные типизации, выдвигаемые на передний план понимающей или интерпретативной социологией. Ибо (здесь опять в силу вступают объекты) оснащение повседневной дисциплины в большой степени поддерживается сопротивлением квалифицированных существей. Например, координация рынка посредством цен основывается на ряде конвенций (касающихся не только денег, но и идентичности товаров). Однако она также зависит от конкретной возможности приватизировать объекты, выводить их из оборота или удерживать посредством частного владения. Иными словами, английская пословица о том, что «владение имуществом почти равносильно праву на него», верна лишь отчасти. Это также в большой степени и экономическая координация.

4. Многообразие общих квалификаций

Итак, различные объекты или объекты, которые различным образом участвуют в социальных отношениях, могут поддерживать различные способы координации. И это предполагает последнее отступление от Пуфендорфа. Когда он говорит о «моральном качестве», он имеет в виду, как я уже говорил, «цену» в отношении вещей и «почтение» в отношении людей. Но, как я попытался показать в нашей с Люком Болтански работе, это слишком ограничивает описание оценок в современной полемике. Существует множество различных способов легитимной оценки или «порядков ценности»*. Здесь следует сделать несколько пояснений. Во-первых, каждый из способов ориентирован на определенную конфигурацию общности, которая может касаться или не касаться того, что социологи называют «социальными группами» или «сообществами». Таким образом, если «гражданская» или «домаш-

* В работе «Об оправдании» мы совместили два типа текстов. Мы рассмотрели работы некоторых классиков политической философии, которых мы считаем грамматиками политической связи, ищущих дискурсивные решения проблемы со-глашения: Августина, Боссюэ, Гоббса, Руссо, Смита, Сен-Симона. С другой стороны, мы рассмотрели ряд современных учебников или руководств по правильному поведению.

няя» ценность или общность связана с узнаваемыми социальными коллективами (соответственно, с социальными группами, связанными солидарностью, и сообществами, основанными на обычаях), то солидарность «индустриальной ценности» опирается на стандартизованные технику и технологии; или, если взять другой пример, «ценность известности» зависит от знаков признания и средств массовой информации, которые их распространяют.

Во-вторых, каждый «порядок ценностей» связывает ценностные суждения с общим благом, поскольку он стремится к разрешению напряжения между справедливостью, основанной на равном достоинстве людей, с одной стороны, и упорядочиванием, включенным в оценку, с другой. Не все формы оценки совместимы с общей человеческой природой. Некоторые требования являются общими для всех легитимных порядков ценности. Первое и основное требование – связь между ценностью и общим благом. Иными словами, люди, считающиеся более достойными, содержат в себе большую степень общности по сравнению с другими и воспринимаются как более «коллективные», а не как менее достойные.

В-третьих, каждое приписывание ценности подвергается критической оценке. Другим важным требованием сопоставимости порядков ценности и общей человеческой природы является отказ от приписывания людям ценности как постоянной величины, как это было бы с некоторыми статусами или наследственными правами. Порядок ценности не может быть построен на IQ*. Приписывание ценности всегда должно быть открыто для обсуждения, поскольку упорядочивание несет в себе опасность для общечеловеческой природы. Другим источником критики являются конфликтные отношения между различными порядками ценности. Каждый вид ценности стремится к обобщению, одновременно редуцируя другие ценности посредством разоблачений, хотя между ними возможен компромисс и они могут быть совместимы в определенных пределах.

Наконец, квалификация ценности нуждается в проверке. И в этом – ключевая связь между ценностной ориентацией на благо и реалистическим столкновением с миром. Оценочные суждения в смысле порядков ценности – не только общие места в риторике. Они подвергаются испытанию, включающему материальные объекты. Объекты обобщаются, но релевантными свидетельствами они становятся различными способами, зависящими от порядков ценности, которые определяют род соглашения, подразумеваемого объективностью.

* Алексис Каррел попытался построить общее благо «евгенического града» («site eugénique»). См. [16].

** Французское исследование этого конфликта было выполнено совместно с Мари-Ноэль Годе и Клодетт Лафе. Более полный анализ на французском языке см. [17; 18]. Эта работа была продолжена в сравнительном исследовании, проведенном под руководством Майкла Муди, которое было сосредоточено на конфликте, возникшем в результате проекта строительства дамбы на одной из рек в Калифорнийской Сьерре. Это сравнительное исследование было проведено в рамках более общей четырехлетней программы сравнительного изучения форм оправдания и репертуаров оценки во Франции и США. Проектом руководили Мишель Ламон и Лоран Тевено, см. [19]. О сравнении двух экологических конфликтов и различий в полштике Франции и США см. в [20; 21; 22].

**Режим публичной критики и оправдания:
многообразие достойных дорог**

Итак, каким образом объекты и их расположение участвуют в моральном мире?

Туннель Сомпор**. Было предложено построить скоростную автомагистраль через одну из долин в Пиренеях, долину Асп, продолжив туннель через горы, разделяющие Францию и Испанию. Это и есть объект моего исследования, предмет споров, обсуждений и переговоров. И мое исследование, и эти споры – о том, что считается или должно считаться «хорошей дорогой» и какова такая дорога в реальности. Последователи Аристотеля стали бы утверждать, что говорить о дороге означает принять идею хорошей дороги с точки зрения телеологической функциональности. Поэтому они отвергли бы любое различие между «есть» и «должно быть» [23, р. 58]. Но я бы хотел рассмотреть многообразие хороших дорог. Безусловно, своего рода телеологический режим запланированного действия включает функциональную деятельность и деятельность интенциональную. Под таким углом зрения хорошая дорога является просто приспособлением для движения транспорта. Мы вернемся к этому режиму в следующем разделе. Но разногласия по поводу подходящей дороги ставят другие проблемы – о благе дороги, когда конфликтные притязания стремятся к обобщению. В таких случаях люди, вовлеченные в спор, склоняются к режиму оправдания, который связывает благо с легитимными порядками ценности. Как раз такова ситуация с проектом Сомпор. По мере того, как разворачивалась полемика, люди обнаружили, что они должны определить ценность (а не просто функциональное значение) дороги. И это тот случай, когда мы сталкиваемся со своего рода «моральным существом», которое должно определять ценность. В пределах режима оправдания оценка квалифицированных существей включает гораздо больше сущностей, чем функциональная деятельность объектов и интенциональная деятельность субъекта, планирующего действие. Тогда обнаружились связи с другими сущностями и начала проясняться грамматика, управляющая этими связями. Чтобы квалифицировать или дисквалифицировать дорогу, были установлены связи с уже квалифицированными и менее спорными сущностями. Объекты были упорядочены и получили связность с точки зрения ценности в различных логиках оценивания. Как я попытаюсь продемонстрировать, эти логики были относительно принудительными*. Каковы же эти логики? Каковы формы оценки? Как возникали оправдания?

Автострада рыночной ценности:

* Здесь мы отходим от теории «актор-сеть», поскольку наш интерес сосредоточен на связности, требуемой критической проверкой порядков; критическом напряжении, которое вызывает сложные порядки; компромиссе, без которого невозможно было бы совместить разные порядки квалификации. Мы рассматриваем организации как средство достижения такого компромисса. О подходе, трактующем непоследовательность организаций в отношении различных «онтологических режимов», см. [24].

рыночная конкуренция в закрытых зонах

Дорога и туннель проектировались под патронажем Совета Европы в рамках программы формирования транспортной инфраструктуры с целью создания «общего рынка». Представитель Совета Европы, курирующий вопросы региональной политики, заявил, что решение поддержать проект подчеркивает «возрастающую необходимость межнациональной кооперации в политике Сообщества. Туннель станет частью общего развития участка По – Сарагоса автострады E07». Главные приоритеты состоят в следующем: «Интегрировать закрытые или расположенные на периферии Сообщества зоны; сократить затраты на транзитные перевозки в рамках кооперации со странами – не членами Сообщества». С постройкой туннеля «путь грузовых машин, осуществляющих транзитные перевозки, сократился бы на 40 минут». По этим причинам Европейское Сообщество предложило частичное финансирование проекта. Целью ЕС было стимулирование конкуренции и свободных рынков путем улучшения транспортной инфраструктуры. Это рыночная квалификация дороги. Она создается путем установления связей с другими сущностями, которые также квалифицируются с точки зрения их рыночной ценности: потребителями, совершающими сделки (человек моральный является потребителем, когда он рассматривается относительно общего блага рыночной конкуренции), грузовыми машинами, которые перевозят товары. И действительно, дорога была обозначена ЕС как «грузовая дорога E07». Причем это обозначение не просто ярлык или риторическая формула – оно оказывает значительное влияние на саму реальность дороги – с точки зрения ее ширины, уклона и потенциальной транспортной загрузки.

Сделаем вывод: стандартная «квалифицированная рынком» сущность – это товар или услуга, которая поддерживает оценку посредством цены, как того требует рыночная координация. В отношении транспорта рыночная квалификация ведет к разделению дороги на индивидуальные потребительские услуги, принимающие, например, форму пошлин. Некоторые члены ЕС подвергли сомнению рыночную квалификацию дороги, так как она не была изначально предназначена для рыночной конкуренции. Скорее, она задумывалась для стимулирования конкуренции и снижения цен, нежели для самостоятельного функционирования на рынке.

Первая компромиссная дорога:**рыночно-индустриальная инфраструктура**

Следуя в этом направлении, можно предложить вариант «компромиссной» дороги. Я использую термин «компромисс», имея в виду попытку совместить два (или более) порядка ценностей в процессе оправдания [3]. Но компромиссы это не просто сочетающиеся оправдания. Они становятся устойчивыми, потому что строятся и укрепляются в течение долгого времени, будучи укорененными в материальном окружении*.

* Понятия компромисса и компромиссного устройства удачно сочетаются с понятием «пограничного объекта» [25; 26]. Акцент на «перевосе» также подчеркивает роль этих посредников [27].

Поскольку дорога принимает форму долговременной инфраструктуры, а не краткосрочного заменяемого товара, она является компромиссной сущностью, отвечающей требованиям не только рыночной ценности, но и индустриальной.

Инвестиция индустриальной ценности:

эффективная инфраструктура для будущего

В своем максимальном выражении рыночная и производственная квалификация резко контрастируют друг с другом. Например, они могут разоблачать друг друга с точки зрения времени. Если рыночная ценность в ее чистом виде кратковременна или вообще не измеряется временем, то индустриальная ценность в большой степени обусловлена временем. Так, проектировщики заботятся о производственной эффективности, создавая дорогу и туннель как часть будущей инфраструктуры («будущее нуждается в инфраструктуре»). Это означает, что инвестиция является главной квалифицированной сущностью или благом в режиме «индустриальной ценности». Таким образом, техническая эффективность связывается с общим благом через структуры времени и пространства. Время ориентировано на будущее, и рост индустриальной ценности принимает форму «прогресса» и «модернизации»: «модернизация существующей дороги, ее превращение в участок магистрали E07 направлено на создание современной связи между Бордо и Тулузой, с одной стороны, ...». Индустриальная сущность представляет собой некую ценность, если она участвует в построении будущего и благодаря своему надежному функционированию делает возможным планирование. Таким образом, «индустриальное» пространство – это картезианское, однородное пространство. Пространственная инфраструктура современных автострад является условием территориальной однородности, которая должна быть достигнута, несмотря на природные препятствия. Кроме того, эта пространственная однородность обеспечивается стандартизацией, которая означает как долговечность дороги, так и ее соответствие стандартам проектирования дорог высокого качества, включающим, например, плавность поворотов, определенный уклон, указательные знаки.

Вторая компромиссная дорога: рыночно-домашний путь коммуникации, остающийся локальным и подчиненным

Рыночная квалификация дороги в большей степени осуществлялась «сверху», по инструкциям Брюсселя, чем «снизу», в процессе ее функционирования на децентрализованном рынке. Однако местные акторы также используют рыночную квалификацию для поддержания дороги и туннеля, зачастую прибегая к рыночно-домашнему компромиссу, заключенному в понятии «местная торговля», которое отличается от понятия общего рынка Европейского Сообщества.

Местный рынок главным образом предлагает товары и услуги, связанные с туризмом и отдыхом. Позже я вернусь к совокупности возможных оправданий «туристической» идентификации. Безусловно, рыночная ценность является одной из них: чтобы соответствовать рынку, природные зоны должны быть превращены в «места для туризма».

Дорога же осуществляет доступ к ним и является составной частью процесса квалификации этих туристических мест с точки зрения рыночной ценности как «капитала», созданного на основе природы («природный капитал»): «доходы от туристического бизнеса повысятся благодаря дороге, создающей доступ к местам отдыха».

Однако в рыночно-внутреннем компромиссе дорога является не механизмом увеличения торгового оборота (как хотел Брюссель), но открывает доступ к местной торговле и туризму. Действительно, местные жители отвергают идею «грузового коридора» (согласно всеевропейскому рыночному аргументу) и высказываются в пользу дороги, ведущей в долину и там заканчивающейся – дороги, скорее, для въезда в долину, чем для проезда через нее. Вот удачная формулировка: «Нам нужна транспортная сеть, которая не будет выходить за границы нашей местности и которую мы тогда сможем контролировать (maîtriserons)».

Настоящая рыночная дорога, суперавтострада не столько способствовала бы местному туристическому бизнесу, сколько подрывала бы его: «В настоящее время индустрия туризма – неотъемлемая часть этой местности, и она пострадает от соседства с автострадой с большим потоком машин».

Местные жители приводят в пример долину Морьен, где небольшая дорога была соединена туннелем с Италией, и вся долина превратилась в тот самый «транспортный коридор», которого они и боятся. Дорога проходит через старые, исторические города, и интенсивность движения и частые аварии побуждали бы людей к переезду в другие места. Сторонники рыночно-домашнего компромисса настаивают на такой дороге, которая будет способствовать «местному взаимодействию» (*échanges de proximité*), включая развитие торговли и сферы обслуживания местного городка в долине. Один из них даже отмечает, что если будет такая дорога, мужчинам Аспа будет легче найти себе жену: «Чтобы сходить в ресторан или в кино, жены должны добираться до города за полчаса, а для этого нужно улучшить существующую дорогу». Все это говорит о том, что компромиссная дорога – это не просто слова. Ее материальное воплощение также важно, если она хочет пройти проверку реальностью. Она должна иметь три полосы движения, чтобы была возможность обгона, но она не должна быть полноценной автострадой, привлекающей интенсивный поток машин.

Дорога домашней ценности:

традиционный путь интеграции местных жителей

Этот компромисс ведет нас к тому, что мы могли бы назвать местной ценностью доверия. В противоположность ориентированному на будущее индустриальному времени, местное время ориентировано на ценности и события прошлого. Оно затрагивает традиционные связи и общепринятые практики, обобщая их и создавая форму доверия, подвижную и транзитивную. Если индустриальное пространство можно назвать картезианским, общим, размеченным координатами, то домашнее пространство полярно, в нем близость и соседство возводятся в добродетель. Кроме временной связи основанием доверия служит и укорененность в местности. Старая тропа – одна из самых главных черт домашней топографии, поскольку ценность приобрета-

ется постепенно. Домашняя дорога сохраняет и объединяет местные торговые пути. Но пространственная и временная приверженность нуждается в обобщении для того, чтобы выйти за пределы пространства частного сообщества и установить связь с общим благом. Это значит, что компромиссная рыночно-домашняя дорога – это хрупкое равновесие, которое легко может быть нарушено, если проверка домашней ценности зайдет слишком далеко. Один из местных политиков заявил: «В случае с Сомпором макдональдизация Франции дошла до дверей Беарна».

Знаменитая, достойная славы живописная дорога

Следующим легитимным порядком ценности является определение людей и вещей посредством известности или мнения. Сущности принимают в этом порядке форму знаков или символов. Например, дороги становятся материальными устройствами, которые делают природу видимой и узнаваемой. Это механизмы обзора, которые предлагают точки зрения, открывающие дальние виды, и тем самым оформляют природу как пейзаж. В обосновании проекта мы находим следующее: «Дорога представляет безусловную привлекательность для туристов. Она дает путешественникам возможность открыть для себя новые пейзажи и, как таковая, является дополнительной ценностью долины». Как и предыдущие, эта квалификация не сводится к субъективной точке зрения. Чтобы получить определенную квалификацию, дорога должна стать частью ландшафта. Это накладывает определенные ограничения на ее облик: «Благодаря своим скромным размерам, эта дорога в течение многих лет являлась частью местности, органично вписываясь в нее. Вместе с поселками и деревушками – это лучшее место для знакомства с ландшафтом долины». Во Франции мы не говорим «видовые» (scenic) дороги – мы говорим «живописные» (picturesque), потому что это более содержательный термин. Данная квалификация относится не только к естественным ландшафтам, но и к одомашненной, окультуренной и обжитой природе.

Следя дорогой иных квалификаций:

гражданский подход, пути вдохновения, зеленые тропы

Я хотел бы закончить эту часть, кратко коснувшись двух других порядков ценности. Гражданская ценность ориентирована на общий интерес, на равенство и солидарность граждан. Дорога играет здесь важную роль, поскольку создает основу для территориальной эквивалентности и равенства граждан. Такая гражданская организация пространства эквивалентности граждан разворачивает революционное стремление создать однородную территорию посредством правовых

* Поскольку откровение является здесь основным средством проверки. Например, Руссо, увидев свет на дороге в Венсен, переживает нечто вроде «дороги в Дамаск» и вдохновляется для написания «Рассуждения о науках и искусствах».

** Тропа воплощает следы дикой природы, хотя Зиммель отмечал, что животные «не создают волшебства дороги, то есть не преобразуют движение в жесткую структуру, существующую помимо них» [28].

категорий. Будучи согласованной с индустриальной ценностью в призыве к «благоустройству территории» (*aménagement du territoire*), она до сих пор является главным оправданием строительства дорог во Франции. Слабость транспортной инфраструктуры разоблачается с помощью понятия гражданской ценности.

Я не буду много говорить о ценности вдохновения, хотя понятие «пути» (добра или зла) является основным для откровения, причем не только в метафорическом смысле*. Следы и тропы являются также квалифицированными путями переживания экологической ценности природы и первичным способом интеграции людей в окружающий мир**. Но асфальтированные дороги, а тем более автомагистрали, вряд ли могут стать зелеными дорогами. Более того, они разоблачаются как нарушающие естественные тропы и маршруты миграции животных. Ответная реакция принимает форму компромиссных зеленых дорог: в индустриальные проекты включаются дополнительные дороги для живой природы в форме мостов и туннелей. Было много предложений в отношении перемещения лягушек, а проект дороги в Аспе включал «медведе-провод», названный так оппонентами по аналогии с водопроводом.

Критика рыночных и индустриальных дорог с экологической точки зрения сама разоблачается с позиций «местного развития» – общего компромиссного блага, объединяющего рыночную, индустриальную и домашнюю форму ценности. Так, решение социалистического Министерства окружающей среды блокировать строительство туннеля в Сомпоре подверглось критике со стороны местных властей, которые заявили, что «широкие экономические цели приносятся в жертву весьма несущественным экологическим достижениям». Критики предложили провести проверку с использованием индустриальных данных. Другой местный политик возразил, что туннель занял бы лишь 3580 квадратных ярдов от общей площади национального парка, которая составляет 370000 акров. Он сказал: «Под этим предлогом они готовы принести в жертву целый регион».

**Ограниченные оценки и локальные режимы вовлеченности:
другие виды подходящих дорог**

**Различные виды деятельности,
относящиеся к формам «пригодности»**

* Эта часть моего исследования является продолжением работы, посвященной оправданию, которую я вел совместно с Люком Болтански.

** Виды деятельности (*agence*), которые я пытался определить, не сводятся к различию между одушевленными и неодушевленными сущностями. Обычное употребление этого термина (во французском языке существует еще и парный термин с относительным значением – *agencement*), к сожалению, указывает на первый член оппозиции «активное–пассивное». В противовес этой практике я решил включить оба эти полюса в характеристики способа вовлеченности сущностей. Тонкий анализ «онтологий организмов и машин» в экспериментальных сферах и различных «эпистемических практик» см. в [29; 30]. Интересные замечания о «материальной деятельности» и развернутая дискуссия по этому вопросу (включая дискуссию об «эпистемологическом цыпленке» [31]) см. в [32].

*** Джон Ло проводит яркое сравнение «цены оправдания» (мы в книге «Об оправдании» пользуемся понятием «жертва») и цены проверки и аппаратов надзора и донесения, с которыми неизбежно сталкивается каждый, кто вступает в отношения с британским государством (учреждения здравоохранения, школы, университеты т.д.).

Я уже говорил о некоторых порядках ценности и характере их оправдания: рыночном, индустриальном, гражданском, домашнем, известности или мнения и вдохновения. Кроме того, я также рассмотрел пути, которыми люди и объекты достигают моральной и политической квалификации – либо в рамках специфических порядков ценности, либо в более сложных и «компромиссных» системах, где эти порядки сочетаются друг с другом.

В этом разделе я продолжаю рассматривать пути, по которым различные виды деятельности и способности приписываются одушевленным и неодушевленным сущностям в рамках того, что я называю «прагматическими режимами вовлеченности»*. Моя цель – рассмотреть понятие деятельности вне режима оправдания, который обсуждался выше, и сделать акцент на различных способах вовлеченности человека в окружающую среду, искусственную или природную. Понятие «прагматический режим» включает коллективные способы координации, управляемые порядками ценности, но содержит также и другие виды вовлеченности, которые определяются социологами в терминах «действие», «практика» и «габитус». Однако мое внимание сосредоточено не столько на движущей силе действия, сколько на динамике согласия и несогласия с окружающей средой. Идея состоит в том, что эта динамика основывается на различных формах «пригодности» – понятии, включающем как форму оценки, так и формат, внутри которого окружающая среда воспринимается в соответствии с оценкой. В пределах этой более широкой структуры я и определяю характер человеческой деятельности**. Поэтому исследование моральной сложности обустроенного человечества продолжается путем изучения более ограниченных, локальных или частных оценок.

Конвенциональные формы квалификации, отталкивающиеся от понятия ценности, отличаются от более частных оценок, которые поддерживают другие прагматические режимы пригодности [11; 33]. Режим оправдания очень требователен в отношении моральной инфраструктуры и эмоциональной вовлеченности [34]. К счастью, мы обращаемся к этому режиму только тогда, когда вовлеченность является предметом публичной критики***. Для координации меньшего масштаба мы взаимодействуем с другими посредством более ограниченной вовлеченности. Теперь я хотел бы представить построение, которое предполагает, что режим публичного оправдания основывается на двух режимах более частной вовлеченности: режиме «запланированного действия» и режиме «близости», который управляет приспособлением к ближайшему окружению и не предполагает той интенциональной и автономной деятельности, которая присуща запланированному действию. Я постараюсь проиллюстрировать эти режимы на примере новых аспектов транс-

* В этой статье я не буду подробно останавливаться на понятии прагматического режима. Этот подход продемонстрирован в ряде моих работ и подкреплен эмпирическими исследованиями [35; 36; 37; 38; 17; 18; 34; 33]. В частности, разнообразные исследования были посвящены отслеживанию «одного и того же» объекта потребления, товара в различных режимах: от ситуации частного и привычного использования его в домашней сфере до наиболее публичного использования. Последнее можно наблюдать в европейских комитетах, задачей которых является разработка стандартов безопасности с помощью лабораторных методов, сертифицирующих соответствие свойств товара определенным стандартам [35].

портной деятельности, ее материального обеспечения (дорога, тропа, трасса и т.д.) и того рода человеческой деятельности, которая свойственна каждому из этих режимов*.

Режим оправдания: комплексная характеристика одушевленных и неодушевленных существ с конвенционализированными способностями (квалифицированные дороги)

В режиме оправдания одушевленные и неодушевленные существа определяются совместно как конвенциональные моральные существа. Так, рыночная дорога поддерживает людей, определяемых как потребители и стремящихся установить рыночные отношения, облегчая отношения между потребителями и товарами, которые можно квалифицировать как сделки. Индустриальная дорога – это эффективная инфраструктура, созданная на основе долгосрочных планов трудом инженеров и используемая профессиональными водителями, управляющими надежными машинами. Домашняя дорога обычно используется местными жителями и другими домашними существами, включая скот. Гражданская дорога – это потенциальный проводник равенства и солидарности граждан вопреки территориальному неравенству.

Попытки квалифицировать или расширить квалификацию устанавливают связь между сущностью, имеющей спорную ценность, с другими, менее спорными существами – хотя сама эта связь должна быть квалифицирована и согласована с порядком ценности. Несмотря на то, что дискурсивное выражение связи часто принимает форму глагола, сплетение связей между сущностями больше похоже на сеть, чем на последовательность повествования, причем элементарная связь в большой степени ограничена порядком ценности. Но какое значение все это имеет для людей?

Поскольку люди занимают уникальное положение в процессе оценивания, то, на первый взгляд, между ними и другими существами существует радикальная асимметрия. Это, в свою очередь, приводит к другой асимметрии: как я уже отмечал, основанием для создания общего блага является «общая человеческая природа». Это общая черта различных порядков ценности и основа чувства справедливости, которое их поддерживает, что становится заметным, когда она оспаривается порядками ценности, ограничивающими общность (например, расизм) или расширяющими ее (например, некоторые версии экологии).

* Я не буду здесь подробно обсуждать различные теории конвенции. Это понятие является центральным для нового направления французской социэкономике – «Теории конвенции», в развитии которого я принимаю участие. Я рассматриваю конвенции не как простые коллективные соглашения, которые сводят воедино ожидания, выраженные явно в форме контрактов или неявно в форме обычаев, а скорее, как более комплексные механизмы координации, действующие на границах более локализованной вовлеченности, когда возникает необходимость в оценке третьей стороны. Конвенция не является конвергенцией разделяемого знания. Это ни что иное как ограниченное соглашение по поводу отобранных признаков, используемых людьми для контроля за событиями и существами. Самым важным в конвенции является то, что это не просто негативное соглашение по поводу того, что считать неподходящим, но общее признание того, что можно оставить в стороне как не относящееся к делу. Это признание основано на общем знании того, что нельзя надеяться на более полную согласованность (что предполагается в классических групповых коллективах)

Итак, существует асимметрия между людьми и другими сущностями. Однако при дальнейшем рассмотрении становится ясно, что совместная квалификация делает их более близкими. В режиме оправдания квалификация человека основывается на особых способах вовлечения объектов, которые, как предполагается, приносят пользу каждому. Находясь в такой сильной зависимости от квалифицированных объектов, люди сами объективируются. Вот почему люди, обладающие ценностью, обычно выглядят натянутыми, «официальными» (в обычном смысле этого слова), когда им приходится демонстрировать свою ценность. В их облике есть что-то нечеловеческое, когда они выступают в роли профессионального эксперта, стремящегося к оптимизации потребителя, важной персоны или знаменитости.

Чтобы передать эту отстраненность, социологи используют драматургические термины (театр, сцена, роль, спектакль). Но при этом они упускают из вида реалистическую вовлеченность объектов, способствующих поддержанию квалифицированных сущностей. Они сводят конвенциональный аспект квалификации к некой сценической иллюзии*. Но конвенции также определяют релевантность свидетельств в публичной критике и оправдании. Они предлагают артикуляцию разделяемого смысла объективности. В таком понимании конвенции не противостоят фактам; они вместе участвуют в проверке реальности, которая неизбежна в процессе коллективного создания «форм возможного». Так, технически спроектированная дорога является необходимым условием для осуществления профессиональной ценности во время вождения; а соответствующие сборы на платной дороге необходимы для того, чтобы потребительская ценность была выражена в покупке достойного обслуживания.

Я хотел бы сделать шаг вперед и сказать следующее: порядки ценности являются моральными артефактами (их даже можно было бы назвать «политическими» из-за уровня их общности), ставящими вопрос о несправедливости власти в некоем систематическом отношении между одушевленными и неодушевленными существами, поскольку это отношение создает асимметрию способностей в рамках общей человеческой природы. Это вопрошание с точки зрения справедливости обусловлено обобщением некоторых способов, посредством которых люди взаимодействуют со своей «обустроенной средой». Для того, чтобы понять процесс, посредством которого спор о злоупотреблении властью становится публичным, нам необходимо исследовать более ограниченные, или частные пути вовлечения вещей, не предполагающие такого обобщения (*montee en generalite*) блага. Первоначальные связи человека с окружающей средой путем приспособления к вещам, которые он использовал и к которым он привык, или посредством обычного взаимодействия с объектами является основой для построения более публичных и гражданских видов политической и моральной деятельности. Политика и мораль формальных человеческих прав и демократических процедур строится без учета этих первичных вовлеченностей и оценок и потому может привести в действие механизмы исключения и господства.

Режим привычной вовлеченности: распространение личности на освоенное ею окружение (личный путь)

Исследование режима «близости» необходимо для опровержения идеи о том, что первоначальные отношения человека с миром основываются на индивидуальной и автономной деятельности, предполагающей интерес, намерение и ответственность. Напротив, человеческая деятельность в рамках привычной вовлеченности в знакомый мир зависит от множества идиосинкротических связей с приспособленным к нуждам человека окружающим миром. Привычное обращение со знакомыми вещами отличается от обычных функций или конвенциональных предписаний. Такая динамика вовлеченности не имеет ничего общего с конвенциональными формами суждения или разделением на субъект и объект в запланированном действии. Напротив, она связана с перцептивной и кинестетической информацией о привычных и освоенных «тропах» в местном окружении, что подразумевает изменение окружения и, одновременно, привычек человеческого тела. Персонализированное и локализованное использование создает среду обитания в той же степени, в которой оно создает личность. Под «личностью» мы понимаем вид деятельности, выработанный в ходе всех этих приспособлений к знакомым сущностям. Вид блага, который управляет этим осторожным обращением с людьми и вещами, не является осуществлением запланированного действия, а скорее относится к заботе о таком приспособлении. Язык, способный описать происходящее, далек от формальных высказываний, предлагающих оправдания [39]. Это во многом язык указания и жеста.

Различие между тропой и конвенциональной дорогой хорошо иллюстрирует этот способ вовлеченности личности в привычное окружение. Пастух из долины Асп противопоставляет такую привычную вовлеченность и соответствующую ей дорогу и осторожную деятельность плану постройки функциональной дороги к пастбищам, хотя она планируется именно для использования пастухами. Понятие «зависимость от тропы» обозначает, в качестве общей категории, своего рода творческое освоение, для которого характерна сильная зависимость от специфических исторических условий и обстоятельств. Тропа не связана напрямую ни с индивидуальной интенциональной, ни с объективной инструментальной деятельностью. Это простейшая форма общения с окружающим миром. Тропа не проектируется и не планируется как некий функциональный инструмент. Она возникает как непреднамеренный результат знакомства человека со средой одушевленных и неодушевленных существ. Тропа в такой же степени создается привычной повторяемостью, в какой и топографией местности. Конечно, она может просто блуждать и никуда не вести, подобно овечьей тропе. Но если вы рассматриваете ее как материальное средство для достижения цели, то, скорее всего, вы окажетесь в тупике.

Извилистая тропа – любимый образ Хайдеггера в его стремлении релятивизировать субъекта [40]. Сартр, вдохновленный феноменологией Мерло-Понти, пытается раскрыть понятие привычности, говоря об «entour», в смысле бли-

* Я изучал эту проблему в более важной сфере. Я сравнил организации, которые сознательно строили свою систему менеджмента на режиме близости, и те, организация рабочего места в которых способствовала режиму оправдания и приписыванию неудач либо одушевленным, либо неодушевленным сущностям [34].

жайшего окружения. Однако он остается в пределах понятий «интенционального действия» и «проекта» в своих рассуждениях о неудачах, хотя они должны были проявить динамику режима. Когда Сартр говорит о «неожиданном феномене», который препятствует его проекту – поездке на велосипеде в ближайший город – он приписывает неудачу обычным объектам: проколотой шине, слишком жаркому солнцу или встречному ветру [41, р. 562]. Но если я падаю с велосипеда на знакомой дороге, то трудно обвинить в этом ее неровности, износ велосипеда или недостаток технических умений.

Режим близости – отнюдь не архаичный способ вовлеченности в мир. Любой водитель или пешеход, знакомый с современной дорогой, может использовать ее такими способами, которые не имеют ничего общего с обычным действием транспортировки – и любая часть окружающего мира, даже высокотехническая, может использоваться таким же образом. В рамках такого в высшей степени локализованного и диффузного близкого окружения невозможно приписать неудачи специфическим объектам, поскольку ответственность распространена среди личностей и их персонализированного окружения [36]*.

Режим регулярного запланированного действия:

интенциональная деятельность человека и

функциональные объекты (дорога как средство достижения цели)

С другой стороны, дорога может быть сознательно запланирована и построена. Разумеется, дорога является образцовым случаем осуществления намерений, материальным средством достижения цели – «пути следования». Координация между людьми, которые не знают друг друга, невозможна, если каждый из них придерживается своего пути или использует дорогу по-своему. Дороги (как и другие общеизвестные объекты) осуществляют дополнительную функциональную деятельность, на которой основывается обычное действие неперсонализированных индивидов. Координация субъектов в режиме интенционального действия опирается на разделение субъектов и объектов в соответствии с классическим понятием действия. Однако восприятие объектов в функциональном формате столь же необходимо, сколь и приписываемая людям интенциональная деятельность.

В отличие от своего рода «заботы», которая управляет режимом близости и конвенционализированных квалификаций, управляющих режимом оправдания, согласование в режиме интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного действия. Базовая структура языка, с его грамматикой подлежащих, сказуемых и дополнений, хорошо соответствует этому режиму. Он предоставляет широкие возможности способов выражения. Дорога – это средство передвижения из одного места в другое. Вот и все. Но что произойдет, если пастухи будут использовать автостраду для перегона скота? Или туристы будут ездить на вездеходах по немощеным дорогам, предназначенным только для пастухов, которые гонят свои стада на горные пастбища, и ограничивают, таким образом, воздействие на дикую природу? Когда начинаются подобные споры, терпимость, неизменно

присутствующая в режиме интенционального действия, уже не приемлема. Эта проблема должна быть улажена с помощью конвенциональных квалификаций и переходит в режим оправдания.

Если режим близости не в состоянии определить отношение ответственности, то режим регулярного запланированного действия поддерживает индивидуальную интенциональную деятельность, необходимую для этого определения. Современная система управления и политика в сфере социального обеспечения предполагают субъекта, поддерживающего проекты и контракты. Но как приписываются намерения? Как распознаются запланированные действия? Ответ заключен отчасти в материальной форме.

Существует множество примеров, но особенно ярко это проявляется в области психиатрии, где, когда намерения больных неясны, их можно обнаружить в регулярных маршрутах движения или действиях. Например, при аутизме трудно определить намерения пациента. Психиатр Фернан Делиньи разработал графический метод для выявления беспорядочных, но «привычных» блужданий больных аутизмом. В одном из институтов, где использовался метод Делиньи, психиатры, отталкиваясь от записи этих идиосинкразических маршрутов, попытались понять действия больных аутизмом в формате регулярного запланированного действия. По их мнению, это было необходимо для прослеживания и координации взаимодействий больных со здоровыми людьми [42]. Идея состояла в том, чтобы сделать модели регулярного действия и, следовательно, намерения явными путем размещения привычных инструментов для различных действий (принятия пищи или мытья посуды) в разных местах. Наблюдения за передвижениями между этими местами и удаленными друг от друга инструментами давали возможность определения функциональной и интенциональной деятельности – и, таким образом, лечения больных аутизмом с помощью их приспособления к окружающей обстановке.

Заключение: какого рода моральная сложность?

Я представил многообразие основных видов человеческой деятельности и способов вовлеченности в мир, сосредоточив внимание на одном элементе материальной среды – дорогах. На этом же эмпирическом материале я мог бы представить и более сложную последовательность действий, включающую, например, составные стратегические планы. Джон Ло показал, каким образом материальные формы поддерживают стратегии и позволяют «накапливать» власть [43]. Понимание этой материальной поддержки человеческой деятельности меняет наше представление о власти и критическую оценку злоупотребления ею. Классическим примером, возвращающим нас к средствам передвижения, является парковая дорога на Лонг-Айленде, которую Лэнгдон Виннер использует для иллюстрации «политики артефактов»: низкий мост препятствует движению общественного транспорта и, соответственно, передвижению чернокожих и бедных людей [44]. В рассмотренном мною случае мы видим дорогу, которая явно отвечает «зеленой квалификации», но скрывает в себе стратегический план, который в конечном счете может оставить эту квалификацию в стороне. Эта дорога имеет всего три полосы и поэтому избегает критики, направленной против четырехполосных «грузовых» автострад с интен-

сивным движением. Кроме того, по обеим ее сторонам идут велосипедные дорожки. Однако оппоненты утверждают, что стратегический план по расширению этой явно «зеленой» дороги будет легко осуществить как раз за счет велосипедных дорожек.

Но как именно это внимание к материальному окружению человеческой деятельности преобразует наше видение моральных проблем? Брюно Латур продемонстрировал, как технические объекты компенсируют моральные слабости людей и остроумно показал то, как моральные правила «вписаны» в ремни безопасности или брелки на ключах от гостиничных номеров [45; 46]. Но что же означает эта «вписанность»? Приведет ли нас симметричный подход к одушевленным и неодушевленным существам и концепция их отношений в виде сети к отказу от понятия ответственности, центральной категории морали?

Джон Ло справедливо замечает, что в либеральной политической и моральной философии образ человека предполагает ряд допущений о личном интересе, использовании языка и автономии человека в отношении его окружения [47]. Вслед за защитниками прав инвалидов, которые разоблачают дискриминационное окружение, Ло утверждает, что «многие, возможно большинство инвалидов в значительной степени лишены гражданских прав в либеральных демократических государствах». Портативный компьютер, установленный на инвалидную коляску, мог бы «сделать их самостоятельными во многих отношениях и таким образом дать им возможность действовать по своему усмотрению». Но означает ли это, что такая индивидуальная и автономная деятельность является единственным способом обращения к моральным проблемам, как предполагает либеральная традиция?

Моральные аспекты приспособления человека к природе и артефактам

В этой статье я наметил основные положения политической и моральной социологии, целью которой является понимание сложности оценочных «форматов». Эта социология изучает способы, которыми люди, а также объекты включаются в оценки посредством совместного участия в различных видах вовлеченности. Определение неодушевленного оснащения человеческих отношений существенно изменяет наше видение моральных проблем, но не отменяет центрального характера обращения к общей человеческой природе. Это изменение проявляется не просто в интеграции материального мира в формы морального вопрошания, которые слишком часто ограничиваются отношениями между людьми. У нас есть возможность обратиться к этой программе с противоположной точки зрения и рассмотреть тот способ, каким моральные и политические категории связаны с приспособлением людей к своему природному и искусственно созданному окружению. Люди, безусловно, используют различные способы приспособления, чтобы расширить свои способности. Тропа — это простейший пример такого расширения способностей, свойственного не только людям, но и животным. Но человека отличает тот способ, каким это расширение возможностей сталкивается с основополагающим допущением общечеловеческой природы. Это столкновение ярче всего проявляется в том, как люди координируют свое поведение (даже в перспек-

тиве конфликта). У людей координация основывается на связи между поведением и ориентацией на какое-либо благо, определяющее реальность, которую необходимо принимать во внимание. Таким образом мы контролируем собственное поведение и воспринимаем поведение других.

Но понятия блага, придающие смысл и реальность человеческому поведению, достаточно разнообразны и зависят от способа восприятия и оценки приспособления к окружающему миру. Я считаю, что «благо» и «реальность» соединены между собой множеством различных способов в рамках того, что я называю прагматическими режимами вовлеченности. Доказательством является то, что люди, а также вещи, оцениваются в зависимости от своего участия в различных способах деятельности, а оценка и реальные условия эффективной вовлеченности в мир с необходимостью сопровождают друг друга. Разработанный в этой статье анализ имеет несколько следствий. Во-первых, понятия деятельности, действия и практики должны быть пересмотрены в контексте различных прагматических режимов: каждый режим подразумевает свое понятие деятельности. Во-вторых, как я уже отмечал, доступ к миру и его восприятие – реальное условие деятельности – зависит от определения некоего блага. Различие между реальностью и оценкой не столь велико, как это обычно представляется в социальных науках. В-третьих, объекты люди включаются и оцениваются – т.е. «вовлекаются» – в мир разнообразных режимов.

Какого рода сложность?

Итак, какой характер носит это переплетение блага и реальности в рамках данной модели? Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть своего рода «вертикальную» комплексность. На начальном уровне в режиме близкой вовлеченности оценка носит достаточно локальный характер. Локальное благо управляет непосредственным приспособлением к обстоятельствам и окружающей среде и совершенно не предполагает индивидуальной и автономной деятельности. Однако эти локализованные и персонализированные формы приспособления не находятся за пределами моральных и политических вопросов. Привычные виды вовлеченности поддерживают реальность и благо личного использования. Они образуют среду обитания, дом, который является потенциалом человеческой личности. Язык права обычно предполагает более обобщенный и определен образ индивидуальной деятельности, которая соотносится с режимом запланированного действия. Но этот более высокий уровень не может существовать, не основываясь на предшествующем поддержании личности. основополагающий характер права на место жительства свидетельствует об исключительной важности изначального уровня, но нужно понимать, что правовые артефакты, как правило, строятся на уровне индивидуальной деятельности и зачастую игнорируют ее необходимое условие. Когда закон интегрирует более близкие виды вовлеченности, происходит их трансформация в коллективизированные «обычаи». В режиме запланированного действия, который относится к успешному осуществлению регулярного действия, участвует другое

* Это рассуждение отвечает на остроумный вопрос Брюно Латура о возможности появления седьмого порядка ценности – «зеленой ценности» [48; 49]; подробнее об этом см. [17].

определение «блага», которое связывается здесь как с интенциональной деятельностью субъекта, осуществляющего проект, так и с объективным разделением объектов по их функциям, т.е. способностью поддержать проект. Никаких извилистых троп и путей. Никаких личностей. Только стандартные дороги для регулярного движения транспорта и люди как индивидуальные и автономные субъекты.

В режиме оправдания столкновение между различными видами приспособления к окружающему миру и общей человеческой природой становится более значимым с точки зрения общего достоинства людей. Расширение области оценки произошло в результате обобщения некоторых способов приспособления, что дало возможность установления эквивалентности. Этот процесс, как правило, вызывается стандартными артефактами или новыми стандартными связями с вещами (например, при обмене информацией). Эквивалентность позволяет измерять неравные способности и противоречит ориентации на общее человеческое достоинство. Тут возникают проблемы несправедливости и злоупотребления властью. Оценки в терминах легитимных порядков ценности как раз и направлены на преодоление этого противоречия. Различные порядки ценности – это пути согласования обустроенности мира с общей человеческой природой. Каждый способ такой интеграции по-своему связывает людей и другие сущности, и каждый включает специфический вид человеческой способности, распределение которой может быть неравным. Так связь, воплощенная в частном владении и продаже товаров, отличается от связи, основанной на привычке и прецеденте, гарантирующем доверие. Оба эти типа в свою очередь отличаются от тех связей, которые опираются на зримость и общую идентификацию знаков или от цепочек, посредством которых живые существа завязаны друг от друга. Новизна «зеленой» критики и оправдания не в том, что они включают в оценку неодушевленные сущности, а в том, что они основываются на ином типе генерализованной связи*. Каждый из этих порядков ценности, управляющих критикой и оправданием, формирует особенный способ связи и зависимости людей и человеческого достоинства от естественных или искусственных объектов и образует то, что можно назвать «составным человечесством».

Множественность порядков ценности представляет еще один вид комплексности – «горизонтальную» комплексность, исследованную мной совместно с Люком Болтански. Каждое из общих оправданий – я уже упоминал индустриальное, рыночное, гражданское и местное – обладает своей мерой блага, своим общим порядком ценности. Поскольку существует несколько различных порядков оправдания, люди и объекты, которые они обнаруживают или предполагают, вовлекаются в компромисс: так, вышеописанная дорога содержит и предполагает не одно, а несколько оправданий или вариантов блага. В ответ на упрек в том, что мы не учитываем большую действенность «смешанных» установлений по сравнению с «чистыми» [44, р. 173; 50, р. 285], я бы сказал, что последовательная квалификация необходима в процессе критики, тогда как компромиссы всегда организуют комплексные явления*.

* Такие компромиссы составляют организации [51].

Как понимать ответственность?

Приписывание ответственности происходит в процессе критики, поэтому требуется определить вид блага. На уровне близкого знакомства внимание, направленное на поддержание гармонии со своим окружением, не позволяет строго распределить способности и ответственность – в классическом смысле – между людьми или другими сущностями. Небрежное обращение не всегда является преднамеренным; обычно это следствие недостаточной приспособленности к особенностям определенной человеческой или природной среды. С другой стороны, построение моральных сущностей посредством квалификаций и моральных артефактов в режиме оправдания означает возможность приписывания ответственности и достижения общего согласия в соответствии с идеей общей человеческой природы. Это не так в случае режима запланированного действия, целью которого является отделение действующего человека от объекта и рассмотрение каждого из них как потенциально ответственного за неудачи. Данное различие означает, что мораль в терминах ценности существенно отличается от индивидуальной деятельности автономных акторов, как это представляется в большинстве исследований.

Разнообразие понятий ответственности показывает, что идентификация режимов вовлеченности не приводит ни к релятивизации понятия, ни к его распространению в сети связанных между собой сущностей. Идея здесь не ограничивается простой дихотомией публичного и частного и состоит, скорее, в дифференциации тех способов, посредством которых приспособление человека к окружающей среде подвергается критической оценке.

Эпилог

На этом я хотел бы остановиться и завершить статью одной историей. Эта история показывает сложные способы перемещения людей между различными прагматическими режимами приспособления к миру и моральными траекториями этого приспособления.

Жан Лабарер – пастух. Он не похож на библейского пастуха, который «дает мне отдохновение на зеленых пастбищах», «ведет меня близ тихих вод», «услаждает мою душу» (Псалом 23). Он также не похож на того древнего пастуха, который противопоставляет дику жизнь городской цивилизации. Он – современный пастух со сложными отношениями с природой. Несмотря на то, что большую часть года он проводит наедине с природой и является одним из немногих, кто еще может повстречать пиренейского медведя, он использует современные технические средства. Его дом на высокогорном пастбище, где

* Mes que cadon tots dus, era aulha e eth can.
 Qu'entenoï eth truquet trebucar ua lia,
 Eth men can que hama, eth son darrer hamet.
 Ta deth qu'era eth son darrer dia,
 Que pensarei a tu qu'eras un bon canhet.
 Si es partit aciu haut rejuenher quauqua estela,
 Que sei qu'averas causit «l'Etoile du Berger».
 Es 'i as rencontrat aquera praube oelha,
 Que l'as de perdonar, tu mon brave canhet [53].

он несколько месяцев в году живет со своим стадом и производит сыр, – комфортабельное жилище со всеми современными удобствами и радиотелефоном, работающим на солнечной энергии. И конечно, некоторые вещи и продукты доставляются сюда не на традиционных мулах, карабкающихся по горной тропе, а по воздуху, на вертолете.

Что за странный гибрид этот пастух? Парадокс заключается в том, что всеми этими благами цивилизации он обязан медведям, диким, чуждым человеку существам. Его спонсирует добровольная ассоциация FIER, которая способствует гармоничному «сосуществованию, позволяющему пастухам и медведям жить в Пиренеях вместе». «Новые дороги подвергают опасности жизнь последних пиренейских медведей». Вертолеты и радиотелефоны освобождают от необходимости строительства дорог. Оправданием или проверкой этого шага является зеленая ценность: по словам одного из членов ассоциации, «медведь является объединяющим звеном. Мы не можем заботиться о медведях, не охраняя леса и пастбища, – ведь медведи очень требовательны к месту своего обитания. Для защиты медведей необходимо заботиться обо всем горном районе». Эти действия направлены на то, чтобы избежать как «резервации для людей, подобных индейским резервациям», так и зоопарка для медведей.

Но Жан Лабарер не только пастух – в природе он черпает поэтическое вдохновение. Это пастух-поэт, воспевающий горы, «каменные гиганты, одетые в красное, которые вечно смотрят друг на друга, как влюбленные». Жан также написал стихотворение в честь своей овчарки. В этом стихотворении он расширяет моральные категории беззаветной любви (режим агапэ, описанный Люком Болтански [52]) на домашних животных. В стихотворении рассказывается реальная история о легендарной «отчаянной овце», которая отбилась от стада и побежала к обрыву. Собака заметила это и быстро настигла овцу:

Они упали вниз.
Я слышал, как колокольчик овцы ударился о камни,
Пес залаял в последний раз.
Мой дорогой пес, я не забуду тебя.
Если ты теперь на небе, рядом со звездами,
Я знаю, ты выберешь «пастушью звезду» [в тексте по-французски «вечерняя звезда» называется «пастушьей звездой»].
И если ты встретишь там эту бедную овцу,
Ты простишь ее, мой храбрый маленький пес*.

Перевод с английского А.В. Тавровского

Литература

1. Arendt H. The human condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958. P. 52-53.
2. Boltanski L., Thevenot L. Finding One's Way in Social Space // Social Science Information. 1983. Vol. 22, № 4/5.

3. Boltanski L., Thevenot L. De la justification; les economies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
4. Thevenot L. New Trends in French Social Sciences // Culture. 1995. Vol. 9. № 2. P. 1-7.
5. Thevenot L. Rules and Implements: Investment in Forms // Social Science Information. 1984. Vol.23. № 1. P. 1-45.
6. Callon M., Latour B. Unscrewing the big Leviathan // Advances in Social Theory and Methodology / Eds. K. Knorr-Cetina, A. Cicourel. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 277-303.
7. Pufendorf S. The Laws of Nature and Nations: A General System of the most Important Principles of Morality, Jurisprudence, and Politics. London, 1749. (Translated in English by Basil Kennet).
8. Pufendorf S. Le Droit de la Nature et des Gens, ou Systeme general des Principes les plus importants de la Morale, de la Jurisprudence et de la Politique. Leyde, 1771. (Trad. de J. Barbeyrac; ed. originale en latin: 1672).
9. Thevenot L. Jugements ordinaires et jugement de droit // Annales ESC. 1992. № 6. Nov.-dec. P.1279-1299.
10. Locke J. Traite du gouvernement civil. Paris: Flammarion, 1984. (Trad. de D. Mazel publiee en 1795, a partir de la 5eme ed. de Londres de 1728; 1ere ed., 1690).
11. Thevenot L. L'action qui convient // Les formes de l'action / Pharo P., Quere L. (eds.) Paris: Ed. de l'EHESS. 1990. P. 39-69. (Raisons pratiques. № 1.)
12. Revue Economique. L'economie des conventions. 1989. № 2. Mars.
13. Orlean A. (ed.) Analyse economique des conventions. Paris: PUF, 1994.
14. Wagner P. Action, ^ordination, and Institution in Recent French Debates // The Journal of Political Philosophy. 1994. Vol. 2. № 3. P. 270-289.
15. Wilkinson J. A New Paradigm for Economic Analysis? // Economy and Society. 1997. August. Vol. 26. № 3. P. 305-339.
16. Thevenot L. La politique des statistiques: Les origines sociales des enquetes de mobilite sociale // Annales E.S.C. 1990. Nov.-dec. № 6. P. 1275-1300.
17. Thevenot L. Mettre en valeur la nature; disputes autour d'aménagements de la nature en France et aux Etats-Unis // Autres Temps. Cahiers d'ethique sociale et politique. 1996. № 49. P. 27-50.
18. Thevenot L. Strategies, Interets et justifications: A propos d'une comparaison France-Etats-Unis de conflits d'aménagement // Techniques, territoires et sociétés. 1996. № 31. P. 127-149.
19. Lamont M., Thevenot L. (eds.) Comparing Cultures and Politics: Repertoires of Evaluation in France and the United States. 1998. (Submitted to Cambridge University Press.)
20. Moody M., Thevenot L. Comparing Models of Strategy, Interests, and the Common Good in French and American Environmental Disputes // Lamont M., Thevenot L. (eds.) Comparing Cultures and Policies: Repertoires of Evaluation in France and the United States. 1998. (Submitted to Cambridge University Press.)
21. Thevenot L., Moody ML, Lafaye C. Forms of Valuing Nature: Arguments and Modes of Justification in Environmental Disputes // Lamont ML, Thevenot L. (eds.) Comparing Cultures and Politics: Repertoires of Evaluation in France and the United States L 1998L (Submitted to Cambridge University PressL)
22. Thevenot L., Lamont M. Exploration of the French and the American Polity // Lamont M., Thevenot LL (edsL) Comparing Cultures and Politics: Repertoires of Evaluation in France and the United StatesL 1998L (Submitted to Cambridge University PressL)
- 23L MacIntyreL AL After Virtue: A Study in Moral TheoryL Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1984L

24. Law J. Organizing accountabilities: Ontology and the mode of accounting // *Accountability: Power, Ethos and the Technologies of Managing* // Munro J., Mourtsen J. (eds.) London: International Thompson Business Proceeding, 1996.
25. Star S., Griesemer J. Institutional Ecology, Translations, and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-1939 // *Social Studies of Science*. 1989. № 19. P. 387-420.
26. Fujimura J. Crafting Science: Standardized Packages, Boundary Objects, and Translations // Pickering A. (ed.) *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 168-211.
27. Callon M., Law J. La proto-histoire d'un laboratoire ou le difficile mariage de la science et de l'économie // *Innovation et ressources locales*. Paris: PUF, 1989. P. 1-34. (Cahiers du Centre d'Etudes de l'Emploi. № 32.)
28. Simmel G. La tragédie de la culture et autres essais / Trad, par Sabine Cornille et Philippe Ivernel; Introd. de Vladimir Jankelevitch. Paris: Ed. Rivages, 1988.
29. Knorr-Cetina K. *Epistemic Cultures: How Scientists make Sense*. Chicago: Chicago University Press, 1993.
30. Knorr-Cetina K. The Care of the Self and Blind Variations: An Ethnography of the Empirical in Two Sciences // *The Disunity of Sciences. Boundaries, Contexts, and Power* / Eds. P. Galison, D. Stump. Stanford: Stanford University Press, 1995.
31. Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // *Science as Practice and Culture* / Ed. A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301-326.
32. Pickering A. *The Mangle of Practice*. Chicago: The University of Chicago press, 1995.
33. Thevenot L. Pragmatic regimes governing the engagement with the worlds from familiarity to public qualifications // *Social Practices* / Eds. K. Knorr-Cetina, T. Schatzki. 1997. (Provisional title, forthcoming).
34. Thevenot L. Les formes de savoir collectif selon les régimes pragmatiques: Des compétences attribuées ou distribuées // *Limitations de la rationalité et constitution du collectif* / Eds. J.-P. Dupuy, P. Livet, B. Reynaud. Paris: La Découverte, 1996.
35. Thevenot L. Essai sur les objets usuels: propriétés, fonctions, usages // *Les objets dans l'action* / Eds. B. Conein, N. Dodier, L. Thevenot. Paris: Ed. de l'EHESS, 1993. P. 85-111. (Raisons pratiques. № 4.)
36. Thevenot L. Le régime de familiarité; des choses en personnes // *Genèses*. 1994. № 17. Septembre. P. 72-101.
37. Thevenot L. Objets en société: Suivre les choses dans tous leurs états // *Alliage*. 1994. № 21. Pour penser la Technique. P. 74-87.
38. Thevenot L. L'action en plan // *Sociologie du Travail*. 1995. Vol. XXXVII. № 3. P. 411-434.
39. Breviglieri M. La coopération spontanée: Entraides techniques autour d'un automate public // *Cognition et Information en société* / Eds. B. Conein, L. Thevenot. Paris: Ed. de l'EHESS, 1997. (Raisons pratiques. № 8.)
40. Heidegger M. L'époque des «conceptions du monde» // *Chemins qui ne mènent nulle part* / Trad, de Wolfgang Brokmeier. Paris: Gallimard, 1962.
41. Sartre J.-P. *L'être et le néant*. Paris: Gallimard, 1984. (1er éd. 1943).
42. Barthelemy M. Voir et dire l'action // *Les formes de l'action* / Eds. P. Pharo, L. Quere. Paris: Ed. de l'EHESS, 1991. P. 195-226. (Raisons pratiques. № 1.)
43. Law J. Power, Discretion and Strategy // Ed. J. Law. *A Sociology of Monsters? Essays on Power, Technology and Domination* // *Sociological Review Monograph*. № 38. L.; N. Y.: Routledge, 1991. P. 165-191.
44. Winner L. Do Artefacts Have Politics? // *Daedalus*. 1980. № 109. P. 121-136.